

Сравнительные археологии в красной обложке

(Lozny L. R. (ed.). *Comparative Archaeologies: A Sociological View of the Science of the Past*. New York: Springer, 2011. 852 p.).

В 2011 году академическое издательство Шпрингер (Нью-Йорк и др.) выпустило толстый сборник под редакцией американского археолога Людомира Лозного «Сравнительные археологии». Подзаголовок гласит: «Социологический взгляд на науку о прошлом». Сам Лозны работает в отделении антропологии колледжа Хантера Городского университета Нью-Йорка. Для сравнения разных археологий Лозны привлек к участию в сборнике археологов разных регионов мира — Европы (в том числе Восточной), Азии, Америки (в основном Южной) и Африки. По типу этот сборник следует сборникам Б. Триггера и Я. Гловера «Региональные традиции в археологических исследованиях» (Trigger and Glover 1981–1982), П. Шмидта и Т. Пэттерсона «Делая альтернативные истории: практика истории и археологии в не-западной обстановке» (Schmidt and Patterson 1989), Я. Ходдера «Археологическая теория в Европе» (Hodder 1991), П. Ако «Теория археологии: мировая перспектива» (Ucko 1995), в какой-то мере также сборнику К. Ламберга-Карловского «Археологическое мышление в Америке» (Lamberg-Karlovsky 1989). Как-то на Лозны повлияла, как он сам признает, и моя «Панорама теоретической археологии» (Klejn 1977), что побуждает меня обратить особое внимание на этот сборник, тем более что в нем затрагиваются и другие интересующие меня темы — глобализация в археологии, марксизм (Клейн 1996; 2011, 2: 383–427).

В течение последних 30 лет Лозны работал в Европе (особенно долго — в университете Лейдена, Голландия) и США, наблюдал также археологию Азии и Африки. Его поразило отличие «альтернативных археологий» от тех, в которых он пребывал. Даже археология Европы сильно отличалась от американской. Европейские археологи «редко обсуждали такие антропологические темы, как “власть”, “лидерство”, “социальную сложность” и “социальную структуру”, а проводили большую часть своего времени, каталогизируя и создавая бесконечные типологии. Многие дипломные работы в Европе являются по сути расширенными каталогами серий артефактов, им недостает основных теоретических контекстов. Это сугубо эмпирические работы... С другой стороны, я также заметил, что британские и американские ученые легко идут на теоретизирование на основе иногда очень ограниченной серии данных и их обобщения — на краю того, чтобы стать искажениями науки» (с. 2).

Мне близки эти наблюдения. Я также писал немало о вспышках эмпиризма в континентальной Европе, о манере британских и американских археологов теоретизировать на очень узких основаниях (связывая это с традицией *case studies*). Теперь об этом пишет и американский археолог. Поэтому он поставил перед собой и коллегами такие вопросы: «Какие варианты теории, практики и структуры археологии существуют повсюду и каким целям они служат? Способствуют ли они лучшему пониманию прошлого? Каким методологиям археологи разных регионов мира следуют? Что они хотят узнать? Могут ли они

узнать то, что хотят?..» (с. 2) и т. д. Это сводится к более конкретным вопросам, среди которых такие: «Как поприще археологии структурировано в разных частях света?.. Как англо-американская модель археологии воспринимается вне англоязычной сферы и каковы ее альтернативы?» (с. 3)...

По Европе в сборнике помещены статьи об археологии Германии, Дании, Швеции, Финляндии, Польши, срединной Европы (имеются в виду Чехия и Словакия), России, Венгрии, странах Юго-Восточной Европы (главным образом бывш. Югославии) и... Израиля и Палестины (эти страны выключены из Ближнего Востока и присоединены к Европе). Отсутствуют Испания с Португалией, Франция, Швейцария, Бельгия и Голландия, из Скандинавии нет Норвегии.

По Южной Америке и Карибскому региону обзор также неполон: есть статьи по археологии Аргентины, Мезоамерики, Венесуэлы, Перу, Колумбии, Кубы, Доминиканской республики и Пуэрто-Рико. Не представлены Мексика, Чили, совершенно не затеты США и Канада.

Восточная и Юго-Восточная Азия с Тихоокеанским регионом представлены статьями из Японии, Индокитая (Вьетнам, Индонезия, Филиппины) и Океании. Бросается в глаза отсутствие Китая, Индии и Австралии.

Наконец, четвертый блок статей — это Африка. Тут статьи из Южной Африки (особенно Намибии), Юго-Восточной Африки (особенно Малави, но с экскурсами в Зимбабве, Замбию и др.), и Нигерии. Вся Северная Африка и многие остальные африканские страны не представлены.

Ближний Восток совершенно не представлен (кроме Израиля и Палестины, включенных в раздел по Европе), исключены все арабские государства и Иран. Нет Египта, Ирака, Сирии, Ливана, Алжира и т. д.

Очевидно, что в задачу составителя не входил (или не получился) полный глобальный обзор, а было реализовано стремление добиться, чтобы несколькими статьями был представлен каждый крупный регион (за исключением Ближнего Востока).

Взгляды самого Лозны изложены во вводной статье «Археология в век глобализации: местные значения, глобальный интерес» (с. 21–49). При чтении быстро становится ясно, что «социологический взгляд» Лозны на археологию не означает статистического анализа сообщества археологов с выявлением их мнений и группирования; расходится Лозны и с тем пониманием, которое придали теме многие авторы статей: они поняли социологический аспект как освещение социологической археологии, то есть реконструкции социологических структур по археологическим данным. У Лозны же имеется в виду положение археологии как науки в структуре и динамике социума. Он исходит из того бесспорного постулата, что археология, несмотря на свою нацеленность на реконструкцию прошлого, находится в современности и тесно связана с идеями политической среды, государственными структурами, целями и противоречиями. «Как во всех науках, теоретические предложения также соревнуются в археологии» (с. 22). Связь археологии с экономикой, социальными силами и политикой для Лозны несомненна. «Именно это объясняет, почему определенные теоретические аспекты археологии так живучи, и почему новые идеи так лениво проникают на местные сцены» (с. 22).

Лозны считает, что на общественные науки, к которым принадлежит, по его мнению, археология, сильно воздействуют три фактора: интеллектуальные традиции, социоэкономические условия и политический нажим.

Весь XX век интеллектуальные традиции Европы формировались на немецкой и французской основе, английский язык употреблялся редко, в Восточной Европе русский был обязательным. В археологии господствовал основанный на позитивизме культурно-исторический подход, а марксизм был очень влиятелен: к востоку от «железного занавеса» советский догматический, к западу — европейский университетский. Эта смесь позитивизма, марксизма и научной методологии господствовала по обе стороны «железного занавеса» и в какой-то мере повлияла на возникновение сначала боасовского партикуляризма, а потом Новой археологии в Америке. По мнению Лозны, политический нажим по значению был вторичен.

Лозны ссылается на Рорти (Rorty 1980) в утверждении, что на Западе эпистемология представляла себе человеческое сознание как зеркало, отражающее реальность, чем исключается критика источников. Я уже писал об этом в «Археологических источниках» (Клейн 1978: 39–45).

Рассматривая, как социально-экономические условия воздействуют на развитие археологического мышления, особенно в переходные эпохи, Лозны отмечает, что после распада советского блока перемены в восточноевропейских странах привели к спонтанной мешанине идей, а не к связной повестке дня. Он видит потенциальную угрозу в том, что вместе с ростом знаний в теории и практике археологии растёт и игнорирование местных знаний. Часто развитие не приветствуется из-за специфики контроля над развитием. Контроль попадает в руки старых академических институтов. «Когда старые системы рушились, новые проблемы внезапно прорвались на поверхность. Без готовых решений и хорошо продуманных рецептов новые социальные и экономические меры образуют не хорошо структурированные системы, а смесь смутных идей и стремления видеть все таким, как хочется» (с. 26). К этому добавляется снижение ассигнований...

Из факторов, воздействующих на археологию, остаётся политический нажим. «Мы не должны, — пишет Лозны, — сводить наше мышление о прошлом к механическому приложению наивного позитивизма, замаскированного под научную процедуру...» (с. 28). Политические цели воздействуют на все социальные науки и могут быть видны в выборе тем, теоретических перспективах и методологии, планах проектов (экспедиций), структурировании поприща (например, академической археологии против прикладной, роли национальных академий наук) и т. д. Все это заметно не только у коммунистических режимов (но у них, добавлю, наиболее грубо).

Далее Лозны переходит к своему основному тезису — рассмотрению глобализации в археологии в рамках теории мировой системы Уоллерстайна (Wallerstein 1974, 2004). Все археологии мира, по этой модели, входят в единую мировую систему — разумеется, не с точки зрения взаимосвязи всех культур на земле, а в плане взаимодействия и взаимозависимости всех археологий как локальных вариантов науки. Правда, и с точки зрения первобытных культур можно усмотреть единство: как бы они ни были изолированы, они конкурировали в эксплуатации природных ресурсов, сокращали друг другу жизненное пространство, с течением времени мигрировали очень далеко, сталкивались. Но теория Уоллерстайна имела в виду хозяйства Нового времени, а Лозны говорит о современности.

Он выделяет общие черты у разных локальных археологий. Используя терминологию и классификации Уоллерстайна, он делит все археологии на

принадлежащие к ядру (центру) и периферии, добавляет к этому пограничные области — полупериферию. Для приближения к привычному историко-археологическому языку он привлекает давнее деление Б. Триггером археологий мира на националистические, колониальные и империалистические (Trigger 1984). Но у Триггера это было деление, выражавшее политическую карту XX века, где были отчетливо империалистические державы, терявшие свою доминантную позицию, колонии, освобождавшиеся от колониальной зависимости, и националистические режимы, строившие свою политику на возбуждении национальных и шовинистических чувств своего народа. Уже в этом тройственном членении заключалось зерно размывания классификации. Ведь использование археологии для националистической пропаганды проводилось и в империалистических державах, и в колониях, и вообще почти во всех государствах. Империи распались и части их становились независимыми государствами. Зависимые государства и колонии становились независимыми и весьма передовыми (как Южная Корея). Диктаторские режимы возникали тот тут, то там, то в империях, то в колониях.

Лозны очень интересно прослеживает возникновение культурно-исторической археологии француско-германского типа в ряде стран и ее сплав с марксизмом и национализмом (не только в Европе, но и в Китае, Мексике и т. д.). Он показывает, что в отличие от американской и отчасти британской археологии, связанной с культурной (в США) и социальной (в Британии) антропологией, европейская континентальная археология сопряжена с историей (добавлю, наиболее тесно — в России, см. Клейн 1991).

Но, строя тесную зависимость динамики археологии от ее принадлежности к центру или периферии, Лозны впадает в обычный грех возведения тенденции в закон: центральные археологии воздействуют, периферийные — восприимчивы. Восприимчивы не послушно, не всё, не сразу, с изменениями, но восприимчивы. Однако Дания в период «датского археологического переворота» была отнюдь не центральной державой, а маленьким захолустным королевством, затерянным на карте борьбы могучих империй — Наполеоновской Франции, Британии и России. А между тем, оттуда Система Трех Веков вошла во все европейские археологии. Австрия принадлежала к ведущим державам, но из Вены тогда выходило мало археологических идей. Япония уже больше века как вошла в число великих держав, воевала со Штатами и Россией. Техника там чрезвычайно развита, археологией японцы занимаются очень интенсивно — у них на небольшую территорию 7000 археологических должностей (в России в несколько раз меньше). Но пока нет японских идей, которые бы вошли в мировую археологию.

Конечно, есть некий минимум образованности и развитости, богатства и оснащенности, а также гуманитарных интересов, который необходим для высокого уровня археологии. Трудно ожидать интересных археологических новаций от Буркина-Фасо или Северной Кореи. И все же археология не является прямым отражением общей могучести государств и уровня их развития. У нее, как и у многих других аспектов, есть своя специфика, свои центры, своя периферия. Если составить карту археологической значимости государств, то великими державами окажутся вовсе не обязательно те, что занимают ведущее положение на обычных географических картах.

Археология как глобальный феномен рассматривается как часть глобальной культуры — геокультуры (термин взят у Уоллерстайна). Глобальная культура включает, кроме археологии, экономику и коммерцию, политическую систему, конфигурации преподавания и обучения и т. д. Суть связанного с этим вопроса Лозны видит так: «Во времена глобализации и глобального воздействия коммерции, политики, и средового нажима (стресса) на культуру какой эффект эти стрессоры оказывают на археологию по всему миру?» (с. 35). Современные условия, отвечает он, то есть современная мировая система есть побочный продукт распространения экономических и политических идей. Уоллерстайн, как известно, марксист, и Лозны не отрицает, что это марксистская постановка вопроса, так что ярко-красный цвет обложки сборника, видимо, не случаен. Но здесь подчеркивается не политический центр и политическое доминирование, а экономические ограничения (так сказать, экономический марксизм). Это мультикультурное территориальное разделение труда, откуда все происходит. Это результат возросшей взаимозависимости культур и экосистем, прежде изолированных и удаленных друг от друга.

Он выдвигает две гипотезы: 1) «Более богатые и модернизированные страны, генерируя общественный интерес к археологии, увеличивают доступ к культурным ресурсам»; 2) «Интерес к археологии, существующий в более богатых странах, также появляется в других регионах, невзирая на местные социально-экономические и политические условия» (с. 37). Ну, положим, местные условия очень даже воздействуют на процессы распространения интереса к археологии, хотя и без прямой корреляции интенсивности.

Четыре фактора, по мысли Лозны, содействуют глобализации археологии:

«Европа (Великобритания, Германия, Франция и в определенной мере Советский Союз) и США как ключевые игроки в мировой системе становились центрами археологической мысли и практики, и долговременные интересы и практики содействовали отбору наиболее эффективных методов исследования прошлого.

Использование немецкого, французского, русского и ныне английского языков делало региональные идеи глобальными, а глобальные — доступными в регионах.

Значительные на локальном уровне вопросы получали ответы благодаря использованию идей и методов, добываемых в глобальном пуле исследований, а глобально значительные вопросы получали ответы с использованием местных пулов исследований (данных).

Подход к исследованию культурного наследия и сохранности содействовал глобализации археологии в попытке унифицировать цели и прямые акции к сохранению того, что считается мировым наследием а не просто национальным достоянием» (с. 40–41).

Лозны считает, что распределение идей по земле, в том числе археологических идей, подчиняется тем же законам, что и распределение ресурсов и материальных благ, то есть соотношению ядра и периферии. А поскольку «объективность изучения благ ограничена» (с. 36), то и она распределена неравномерно. «Я предполагаю, что идеи инфильтрируются из (политического, экономического) центра в (неразвитую) периферийную область не потому, что они желанны, а потому, что они пропагандируются политическими и экономи-

ческими доминантами. Такая динамика антагонистична по природе и может рассматриваться как империалистическая и гегемонистская» (с. 36).

Значит ли это, что интерес к археологии навязан недавним колониям «гегемонистами», а самим бывшим колониям не нужен и не желанен? Значит ли это, что вопросы о происхождении разных явлений, которых они себе не задавали или на которые отвечали мифами, теперь навязаны им извне, и уж лучше бы они оставались при своих мифах? Значит ли это, что методы, которыми добывается объективная истина и разоблачаются мифы, нежеланны и не нужны никому вне европейского ядра цивилизованных государств?

Мне представляется, что это та самая избыточная политкорректность, которая происходит из чувства вины европейских народов за империалистическое прошлое своих предков и которая на деле сводится к тенденции законсервировать традиционную отсталость колониальных в недавнем прошлом народов. Когда этническая самобытность отождествляется с отсталостью и средневековыми или первобытными нормами, я готов пожертвовать самобытностью, и, думаю, со мной согласится большинство людей в новых поколениях вне европейской цивилизации.

Последний раздел в статье Лозны называется «Реструктуризация археологии (поиски жизнеспособной археологии)». Он начинается с печальной констатации: «Несмотря на глобальный масштаб академическая археология — в критической ситуации. Статьи государственных бюджетов сокращаются, а частные фонды фокусируются на сугубо отобранных (и сенсационных) проектах, от археологов ожидается, что они совершат больше при меньшем финансировании» (с. 41). Лозны останавливается на «ключевом вопросе»: «В какой форме археология возникнет из деконструкции социальных, экономических и политических условий, преобладающих особенно в Восточной Европе, но также в Южной Америке, Африке и Юго-Восточной Азии?.. При каких социоэкономических и политических условиях изменения могут быть приняты и какие новации в археологическом мышлении и практике мы можем идентифицировать в начале двадцать первого века?» (с. 41). Автор имеет в виду соединение академической археологии с прикладной, отбор археологических ресурсов, внедрение местных перспектив в археологию, возможно, структурные изменения в археологии.

Он считает, что в Восточной Европе преобладают в мышлении масс различные версии социализма, на каковое мнение, видимо, повлияли результаты выборов первой декады второго тысячелетия в странах Восточной Европы — фактор как-никак временный. Для наблюдателей из России скорее бросается в глаза существенный и устойчивый уклон американской и европейской цивилизаций к социалистической идеологии — в мультикультурализме (= интернационализме), необычайной политкорректности в отношении феминизма и этнических идиосинкразий, в нажиме на богатых и поддержке неработающих, в апологии равенства. Влияние этой идеологии чувствуется и в самой статье Лозны, в его ключевых идеях. Одна из них выражена в начале статьи: «Археология может стать более демократичной и децентрализованной, коль скоро власть будет сосредоточена у деятелей регионального, национального и интернационального масштаба, частных и общественных, а политическое пространство не будет более идентифицироваться со специфическими административными границами национального государства». И демократизация

и децентрализация — заметные и реальные тенденции (хотя у каждой есть и свои минусы), но ослабление национальных границ заметно разве что в границах Евросоюза, в других местах (Советский Союз, Югославия, арабский Ближний Восток) границы стали дробнее и жестче.

Я бы сказал, что возвращение к социализму маячит сейчас действительно перед сознанием масс как на Западе, так и на Востоке, но если на Западе привлекают людей пока только гуманистические и потребительские аспекты социализма, то на Востоке набирает силу тяга к консервативной и распределительной системе социалистического управления, где идеология марксизма причудливым образом соединяется с теократическими возможностями религии (православной или мусульманской), а в поддержку этой системы и этой идеологии распределяющая бюрократия мобилизует коррупционные силы и навыки и люмпенизированные слои населения. В этом я вижу реальную опасность для прогресса вообще и археологии в частности. Вопрос об объективности археологии в такой обстановке просто испарится.

Свои представления о развитии археологии в мире Лозны иллюстрирует таблицей (табл. 1), где пытается провести корреляцию инноваций в археологическом исследовании с социоэкономическими и политическими условиями. Таблица имеет свои странности: холодная война присутствует в двух периодах, глобализация тоже, сложение наций почему-то отнесено к 1900-м, включение Бинфорда, Ходдера и Курбэна в одну когорту выглядит не очень логично, покойные Ако и Лайп знаменуют в таблице 21-й век с концентрацией в 2050-м году, а что с ними общего у Демуля и Виллемса? В общем, таблица интересна скорее замыслом, чем исполнением.

Но статья Лозны полезна привлечением внимания к теоретической археологии и обсуждением общих проблем и перспектив развития археологии в современном мире. Российского читателя в сборнике привлечет и статья Н. Н. Крадина «Панорама социальной археологии в России», а также статьи, очень оригинально и интересно выполненные, по археологии соседних с Россией стран — Польши, Венгрии и Финляндии.

Новейшую историю германской археологии рассматривает лейпцигский профессор Ульрих Фейт как смену ее структур и организации, отмечая ее традиционную связь с историей. Он прослеживает драматические события, связанные с нацистским периодом, и оценивает противоречивый вклад германской археологии в изучение этнической истории, а также теоретическое развитие последних лет. Кристиан Кристиансен социальную историю датской археологии выясняет как прослеживание того, как исторические события и взаимодействие социальных сил сказывались на истории датской археологии, для чего он прослеживает эту историю с начала XIX века.

Йохан Хегардт и Анна Кэллен свои размышления о шведской археологии подают в тесной увязке с проблемами сбережения культурного наследия и видят проявления расизма в акценте на шведскость — в полном соответствии с новомодной политкорректностью. В Швеции ли искать проявления расизма! Но, учитывая норвежский феномен Брейвика, вероятно, лучше перестараться в этом направлении, чем пропустить опасные проявления чего-то похожего.

Виса Иммонен и Й.-П. Таавитсайнен характеризуют историю финской археологии как колебание между национальным и интернациональным. Это обычная проблема небольших государств — начиная с языка публикации: местный, или

сильного соседа (русский, шведский), или один из основных европейских? То же можно усмотреть и в теоретических влияниях.

Схожие проблемы вставали перед польской археологией, по Аркадиушу Марциняку, но Польша крупнее и, будучи разделена между Австрией, Германией и Россией, развила сильную национальную археологическую традицию, поначалу зависимую от Германии. В период советского доминирования, разумеется, преобладал советский марксизм, а после 1989 года польская археология открылась многим иностранным влияниям, преимущественно английским и французским. Резкий рост количества археологов, а также пестрота концепций и принципов при всем позитивном значении богатства методов имели и разрушительное воздействие на археологию, внося разнородные методики и усиление различий в ее уровне между центрами и периферией. Лозны приложил к этому свой очерк о впечатлениях от польской археологии. По его мнению, она не очень сдвинулась со своей традиционной позиции под коммунистическим господством и не сильно изменила свои принципы после 1989 г.

Сильвия Томашкова описывает развитие археологии при постоянной смене режимов на территории бывшей Чехословакии («Археология в срединной стране» — назвала она свой очерк), а Предраг Новакович описывает археологию на территории другой исчезнувшей страны — Югославии, но он описывает ее отдельно по новым государствам, поочередно. Н. Н. Крадин, прямо следуя обозначенной теме сборника, посвятил свою статью социальной интерпретации археологического материала в России. Практику и теорию в венгерской археологии рассматривают Ласло Бартошевич, Дора Мерай и Петер Ципан в большой, детальной и снабженной многими графиками статье.

Археологию Израиля и Палестины очень сжато рассматривает Дэвид Смол из США, далее следуют южно- и центрально-американские археологии — Аргентины (в связи с политическими событиями полувека в этой стране), затем Гватемалы, Венесуэлы, Перу и Колумбии, и, наконец, испаноязычной части Карибского архипелага (Пуэрто-Рико, Доминиканская республика и Куба).

Затем «практику археологии в современной Японии» описывает Фумико Икава-Смит, начиная с эры Токугава. Приведены графики расходов на раскопки и т. п., а также число археологов в разные годы. Поражает их число в 2000-е — до 7 тысяч. Вероятно, подобной густоты археологического населения не имеет ни одна страна. Далее идут статьи об археологии Юго-Восточной Азии (Таиланд, Малайзия, Филиппины и др.), Океании и несколько статей об африканской археологии (Намибия, Малави, Нигерия), не характеризующих достаточно репрезентативно археологию этого материка.

В целом Лозны удалось собрать очень внушительный сборник и поставить ряд вопросов, важных для определения дальнейшего пути мировой археологии.

Литература

- Клейн Л. С. 1978. Археологические источники. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та.
 Клейн Л. С. 1996. Глядя на наше вчера (Randall McGuire. A Marxist archaeology. San Diego et al., Academic Press, 1992, 326 p.) // *Archaeologia Petropolitana* 1, 99–106.
 Клейн Л. С. 1991. Рассечь кентавра. О соотношении археологии с историей в советской традиции // *ВИЕТ* 4, 3–12.

- Клейн Л. С.* 2011. История археологической мысли. Т. I, II. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та.
- Hodder I.* (ed.). 1991. *Archaeological Theory in Europe: The Last Three Decades*. London: Routledge.
- Klejn L. S.* 1977. A panorama of theoretical archaeology // *CAn* 18, 1–42.
- Lamberg-Karlovsky C. C.* (ed.). 1989. *Archaeological Thought in America*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rorty R.* 1980. *Philosophy and the Mirror of Nature*. Oxford: Blackwell.
- Schmidt P. R., Patterson Th. C.* (eds.). 1989. *Making Alternative Histories: The Practice of Archaeology and History in Non-Western Settings*. Santa Fe: SAR Press.
- Trigger B. G.* 1984. Alternative archaeologies: nationalist, colonialist, imperialist // *Man* 19, 355–370.
- Trigger B. G. and Glover I.* (eds.). 1981–1982. *Regional Traditions of Archaeological Research* (WA 13, nos. 2 and 3).
- Ucko P. J.* (ed.). 1995. *Theory in Archaeology: A World Perspective*. London and New York: Routledge.
- Wallerstein I.* 1974. *The Modern World-System I*. New York: Academic Press.
- Wallerstein I.* 2004. *World-Sysytem Analysis. An Introduction*. Durham, NC: Duke University Press.

Таблица 1. Обобщенная корреляция инноваций в археологическом исследовании с социоэкономическими и политическими условиями по Л. Лозны

Период	Инновация	Точка концентрации	Ключевые фигуры/события
Промышленная революция; колониализм	Таксономия и интерес к эволюционным объяснениям; Линней, Ламарк, Дарвин	Первая мировая война (1918)	Энгельс, Буше де Перт, Брёйль, Чайлд, Киддер, Морган, Томсен
Сложение наций 1900-х; социальные революции	Историзм, выдвигаемый Боасом и Косинной; развитие социальных теорий; националистические движения в Европе; культурно-исторический подход: исторический материализм	Холодная война (1950-е)	Боас, Борд, Чайлд, Хензель, Косинна, Питри, МакНиш, Уилли, Международные конгрессы славянской археологии в Восточной Европе, Международный союз пре-исторических наук
Технологический прогресс при Холодной войне 1950-х — 1970-х, девелопментализм	Новая Археология; процессуальный подход: неозоволюционный взгляд на культурные изменения; смесь историзма с историческим и диалектическим материализмом	Глобализация (1990-е вплоть до после 2000-го)	Бинфорд, Кларк, Курбэн, Флэннери, Гарден, Ходдер, Клейн, Кол, Леони, Неуступны, Ренфру, Саноха и Варгас, Стюард, Шэнкс и Тили, Табачыньски, ТАГ
Глобализация XX–XXI вв.	Устойчивое развитие, консервация и сохранение мирового наследия; неразрушительные методы исследования; соучастие местных археологов	2050 (?) что после глобализации?	Клир, Демуль, Кинг, Кобылинский, Лайп, Политис, Ако, Виллемс, Всемирный археологич. конгресс, ЮНЕСКО, Мальтийская конвенция